

ОТЗЫВ

рецензента на диссертационную работу
СИЗИКОВА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА
«Формы прошедшего времени в древнерусском переводе
Жития Андрея Юродивого. Том I»
(Санкт-Петербург, 2017. 149 с. с приложением [298 с.]),
представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 – Русский язык

В диссертации Сизикова Александра Владимировича исследуется употребление форм прошедшего времени в древнерусском переводе *Жития Андрея Юродивого* (в дальнейшем ЖАЮ) в сравнении с греческим оригиналом, Βίος Ἀνδρέου (в дальнейшем ВА). Диссертация состоит из введения, трех исследовательских глав и заключения (129 с.), списка научной литературы (10 с., более 100 номеров) и приложения, где приводятся все примеры употребления форм прошедшего времени в ЖАЮ (298 с.). Отзыв написан на основе первого тома, т.е. не касается английского перевода (том II).

Первая глава описывает литературные и языковые особенности текста и перевода в общих чертах. Во второй главе представлены различные модели описания систем темпоральных категорий и форм в греческом языке (пост)классического и византийского периодов, в старославянском и древнерусском языках. Третья глава посвящена подробному анализу употребления и значения форм прошедшего времени в древнерусском переводе в сравнении с соответствующими формами в греческом оригинале.

Вступительная глава посвящена общим и частично также неязыковедческим вопросам, связанным с ВА и ЖАЮ. ВА является текстом, жанровую принадлежность которого определить довольно трудно, хотя в рукописях недвусмысленно называется житием (βίος и в славянской традиции соответственно **житиѣ**). Язык и стиль тоже не соответствуют жанровым требованиям. Странно, однако, что автор ВА, некий Никифор,

PK N 09/2-36 от 06.08.2018

считается довольно плохо образованным человеком, на что указывает и его неклассический язык (с. 13), однако ВА определяется как текст, «насыщенны[й] литературными связями» (с. 16).

Формальную и содержательную своеобразность ВА сохранил и в переводе и в новом культурном окружении. ЖАЮ является одним из наиболее популярных житий древнерусской письменности, несмотря на факт, что во многом не соответствует жанровым требованиям житий (или, может быть, именно из-за этого). ЖАЮ известно в более чем 200 списках, а преобладающее большинство из них являются древнерусскими. Кроме старого древнерусского перевода конца XI - начала XII века, представленного в некоторых редакциях (включительно и проложной редакции, конечно, сильно сокращенной), существуют второй древнерусский и еще более поздний южнославянский переводы. Популярность ЖАЮ объясняется как внешними, так и внутренними факторами. Среди внешних можно выделить следующее: память святого (2 октября) связана с праздником Покрова (1 октября), столь важным для русской церкви; в тексте ЖАЮ прямо описывается видение, засвидетельствованное Андреем и Епифанием во Влахернской церкви. Важно также, что в ЖАЮ Андрею приписывается славянское происхождение (в греческом оригинале он считается скифом). К этому можно еще добавить то, что юродивые пользовались особенной популярностью у верующих русской православной церкви. Внутритекстовые особенности заключаются прежде всего в том, что текст сильно отличается от других житий из-за отсутствия типичных элементов жанра как описание молодости, святости и т.д., с одной стороны, и из-за включения таких нежитийных элементов, как эсхатологические пророчества, с другой.

В отдельном параграфе анализируются довольно подробно новозаветные цитаты (или точнее цитаты из Евангелий от Матфея и Иоанна) в ЖАЮ (§ 2.2). Не удивляет результат, что в общем переводчик переводит прямо текст ВА, а не проверяет свой перевод по новозаветным рукописям.

Совпадения с последними объясняются скорее всего тем, что переводчик помнил существующие переводы новозаветных книг, потому что знал текст наизусть. Функция этого параграфа в контексте диссертации не совсем ясна (как и не совсем ясно, почему иногда приводятся данные из *Послания Петра III Антиохийского об опресноках*, ср. с. 8, 95, 118).

Вторая и третья главы диссертации посвящены собственно языковедческим вопросам. Вторая глава освещает вопросы теоретического характера, а третья анализирует конкретно формы прошедших времен, представленные в ЖАЮ, в сравнении с соответствующими формами ВА.

Для лингвистического анализа ЖАЮ на фоне ВА условия почти идеальные, потому что история греческого оригинала всесторонне исследована в монографии L. Rydén'a, которая содержит и критическое издание греческого текста. Кроме того, А. Молдованом опубликована редакция греческого оригинала (редакция δ по классификации Rydén'a), очень близкая к русскому переводу (по рукописи Cod. graec. mon. 552). Для славянской традиции текста существует критическое издание древнерусского перевода с богатым аппаратом, опубликованное А. Молдованом (на основе рукописи РГАДА Син. тип. 182 с дополнениями лакун в този *codex electus* по рукописи РНБ Сол. 216).

Несмотря на эти благоприятные условия в области текстовой базы, которые редко встречаются в палеославистике, анализ форм прошедших времен в ЖАЮ является сложной задачей. Это удивляет на первый взгляд, потому что (древне)греческий и древнерусский языки обладают почти идентичным набором грамматических форм прошедших времен: аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект (и условно еще *praesens historicum*). Сложности возникают, во-первых, потому что значения этих грамматических форм отличаются довольно сильно в двух языках. Во-вторых, и греческий и русский язык во время написания и перевода текста находятся в процессе преобразования, так что они внутренне далеко не однородны. И для языка оригинала и для языка перевода существует язык-эталон. В случае

греческого оригинала их даже два: классический греческий и κοινή, в славянской области это старославянский язык. Автор описывает значения прошедших времен отдельно для греческого языка-эталона (§ 3) и языка ВА (§ 4), и для славянского языка-эталона (§ 5) и языка ЖАЮ (§ 7). Удивляет отсутствие главы о плюсквамперфекте в § 3 (в других есть), варьирование в терминологии (§ 3.2 презенс, § 4.1 настоящее время) и в последовательности глав (§ 3 имперфект - перфект - аорист, § 4 имперфект - аорист - перфект) без объяснения, почему это так. Странно также, что в случае греческого языка *Aktionsart* и вид описаны отдельно (§ 3.1 и 3.6), а с другой стороны, отсутствует *Aktionsart* как отдельная точка целиком в главе о старославянском языке (§ 5). Что касается существования категории вида в старославянском и древнерусском языках, то автор сторонник позиции, что оба располагают вполне развитой видовой системой (на счет языка ЖАЮ в заключении сказано «Видовая система является вполне развитой», с. 139). Лично я сомневаюсь в этом и скорее говорил бы об «аспектоидных» структурах, но в славистике вопрос остается спорным. Странно, однако, что автор в аргументации очень часто ссылается на теорию А.В. Исаченко, выработанную для современного русского языка (и в сопоставлении со словацким, ср. Исаченко 2003), которая является спорной даже в этой области и на мой взгляд совсем не применима для старославянского или древнерусского языка. К сожалению, автор почти не различает отдельные типы аориста (только на стр. 61 говорится бегло о тематическом и сигматическом аористах), хотя вполне возможно, что они в начале употреблялись для выражения различных оттенков значения (ср., например, теорию Айтцетмюллера о возникновении славянского вида из индоевропейской системы *Aktionsarten*).

Ядро диссертации безусловно третья глава. Здесь автор подробно изучает формы прошедшего времени в ЖАЮ, исходя из форм и определяя их значения на основе контекста. Анализ начинается простыми претеритами, которые, хотя, скорее всего, во время перевода уже не являлись активной

частью живого языка, довольно хорошо представлены в тексте. Различаются такие значения, как длительность, целостность, инхоативность и т.д. (ср. § 7.2.1 - 7.2.7 и 7.4.1 - 7.4.7), т.е. главным образом то, что можно определить как *Aktionsarten*. И здесь, как в случае § 3 и 4 (ср. выше), возникает вопрос о порядке: выражают ли различия порядка также различия частотности или они случайны? Бросается в глаза, что некоторые из значений совпадают (ср. 7.2.1 и 7.4.1, 7.2.4 и 7.4.4, частично также 7.2.3 и 7.4.3, 7.2.5 и 7.4.2). Это значит, упрощенно говоря, что во многих случаях аорист и имперфект синонимичны, что констатируется и автором (§ 8), хотя он утверждает, что различия все же более значимые. (Осложняется ситуация еще тем, что формы 1 л. ед. и мн. числа после стяжения гласных даже формально не различаются.)

Аналитические формы исследуются автором отдельно (§ 9), но по идентичной методике. Это касается перфекта (§ 9.1) и плюсквамперфекта (§ 9.2). На основе анализа автор заключает, что «[ф]актически перфект делает избыточными все остальные [прошедшие, Р.М.] времена включая плюсквамперфект, в употреблении которого в переводе Жития Андрея Юродивого нет закономерностей, которые отмечаются для евангельского или летописного текста» (с. 125).

Последняя глава (§ 10) является уже переходом к приложению, потому что здесь сравниваются формы греческого оригинала с формами древнерусского перевода. Кроме анализа употребления времен (т.е. собственно грамматической категории) автор изучает и словообразовательные средства, прежде всего префиксацию (§ 10.3).

К сожалению, отсутствует почти целиком статистическая информация: на с. 113 указано, что в тексте 732 употребления аориста с целостным значением и 262 употребления имперфекта с длительным значением. На с. 120 приводится число употреблений плюсквамперфекта (59), но без разделения по значению. А там, где указаны точные данные, они иногда вызывают недоверие. Согласно моему собственному счету примеров

плюсквамперфекта в приложении (с. 430-447) 55, а не 59 (кроме того один, **заклати**, является плюсквамперфектом только в разночтениях, которые, однако, автором не приводятся). И в других случаях точность данных условная. Так на с. 127 сказано, что аорист передает греческий презент в «приблизительно» 270 примерах, а имперфект употребляется в данном случае 8 раз, тогда как тот же имперфект выступает эквивалентом греческого презентного инфинитива 14 раз. По беглому подсчету в приложении примеров аориста почти 290 (среди них более 160 для глагола **реци**), а имперфектов, переводящих греческий презентный инфинитив, 13. На с. 137 утверждается, что только в одном случае имперфект соответствует греческому перфекту и что примеров имперфекта, выступающего эквивалентом греческого плюсквамперфекта, всего 16. На с. 322-324 приложения, однако, указано для первого случая 2 примера, для второго 15. На той же с. 137 указывается, что аорист выступает эквивалентом греческого плюсквамперфекта 8 раз, но на с. 243-244 приложения указаны 10 примеров.

В приложении приводятся примеры употребления прошедших времен в древнерусском переводе по формально-сравнительным признакам, т.е. по древнерусским прошедшим временам (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект) и внутри каждой главы по соответствующим греческим формам (аорист, презент, имперфект, перфект, плюсквамперфект, неличные глагольные и неглагольные формы). Для большинства примеров дается древнерусский и греческий тексты и значение глагольной формы; там, где примеров много, указываются строки в издании, где можно найти дальнейшие примеры. К сожалению, приложение страдает от того, что нет никакого оглавления. Кроме того, читатель диссертации напрасно ищет указатель глаголов как греческих, так и древнерусских, а это значительно осложняет работу с текстом.

В заключение можно сказать, что автор хорошо справился со сложной задачей. Впечатляют логическая структура диссертации, ясное изложение теоретических основ, впечатляющее знание греческого и славянского языков,

тщательный анализ обширного материала и убедительная презентация, несмотря на указанные недостатки.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что диссертационное исследование А.В. Сизикова отвечает всем требованиям ВАК, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, сформулированным в п. 9. «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 г., и паспорту специальности 10.02.01 – Русский язык. Сизиков Александр Владимирович, безусловно, достоин присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык.

Доктор филологических наук, профессор;
заведующий кафедрой славянской филологии
Университета земли Саар в Саарбрюккене

Роланд Вальтер Марти

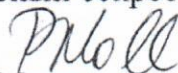
05.03.2018

Roland Marti
Campus A 4 1, Z. 1.30
Universität des Saarlandes
D-66123 Saarbrücken
тел. + 49 681 302 3771
rwmslav@mx.uni-saarland.de

Аутентичность подписи Роланда Вальтера Марти подтверждается:

Ученый секретарь:

П. Молл